

Катунин Ю.А.

О ликвидации монастырей в 20 – 30-е годы XX века.

В большинстве публикаций последнего десятилетия, в которых рассматриваются вопросы ликвидации монастырей в 20 – 30 годы нынешнего столетия, четко прослеживается тенденция одностороннего освещения проблемы. Многие авторы пишут о том, что это был жесткий акт государства в отношении православной церкви. При этом не учитывается ряд серьезных факторов, позволяющих по-иному рассмотреть эти вопросы.

Во-первых, во внимание не берутся процессы, происходившие в эти годы в самой церкви.

Во-вторых, не рассматривается отношение верующих к вопросу ликвидации монастырей.

20-30 годы XX века – это время серьезных осложнений не только во взаимоотношениях православной церкви с государством, но это и время раскола, произошедшего в самой церкви. Политика жесткой конфронтации православной церкви с новой формирующейся системой Советской власти привела не только к серьезным осложнениям между духовной и светской властью и отделению церкви от государства, но и к глубочайшему расколу в православии, появлению обновленческого движения.

Обновленческое движение – достаточно сложное и противоречивое явление в истории православной церкви. К сожалению, освещение этой проблемы страдает серьезной тенденциозностью. Многие исследователи, освещающие этот период истории православия, дают отрицательную оценку как самому движению, так и лидерам обновления. При этом ими лишь вскользь констатируется тот факт, что в это время большинство приходов православной церкви в России находилось под контролем лидеров обновления.

Обновленческое движение окончательно оформилось в русском православии как направление, созданное духовенством и мирянами, протестующими против бездумной антигосударственной политики, проводившейся официальным руководством церкви во главе с патриархом Тихоном и не только осложнявшей взаимоотношения с государством, но и толкавшей к самоликвидации самой церкви в условиях формирующегося тоталитарного государства. Вполне естественно, что не только движение обновления, противопоставившее себя официальной церкви, но и его идеология были поддержаны определенными государственными органами. Советскому государству было выгодно иметь подконтрольную церковь, призывающую население к признанию новой власти. Ограничивая деятельность сторонников патриарха Тихона, Советская власть достаточно лояльно относилась к представителям обновления. Это позволило им в течение короткого времени распространить свое влияние на огромное количество приходов православной церкви. К концу 1922 года обновленческое движение владело двумя третями всех православных приходов, что составляло около 20 тысяч храмов. После перехода сторонников патриарха Тихона на позиции лояльного отношения к Советской власти, а также после начала серьезного раскола в обновленческом движении начался процесс возврата приходов представителям официально-консервативного направления, возглавляемого патриархом. Следует отметить, что переход сторонников обновления в лоно официальной церкви был не столь бурным, как это пытаются показать некоторые церковные историки. В распоряжении обновленцев до начала 30-х годов насчитывались тысячи приходов. Так, в 1924 году им подчинялось более 14 тысяч приходов. На конец 1926 года 84 епархии обновленческой церкви

владели 6245 приходами, в которых проводили службу 10 815 священников и диаконов.ⁱ

29 апреля 1923 года на проходившем в Москве в храме Христа Спасителя Поместном Соборе лидеры обновления, занимавшие в это время главенствующее положение в церкви, приняли ряд радикальных решений, существенно пересматривающих идеологию русского православия. Эти решения были приняты подавляющим большинством членов Собора и являлись обязательными для всей церкви.

Наибольшее единодушие было проявлено участниками собора при рассмотрении вопроса «О православной церкви, социальной революции, Советской власти и патриархе Тихоне». Собор отменил анафему в адрес Советской власти, исходившую от главы церкви – патриарха Тихона. Высший церковный орган принял решение о лишении его патриаршего и монашеского сана.

Наиболее радикальными решениями Собора являлись постановления о допущении в епископат белого духовенства, имеющего семьи, а также разрешение на «второбрачие» для священнослужителейⁱⁱ

При рассмотрении вопроса о вскрытии мощей Собор осудил церковную фальсификацию об их нетленности и предложил оставить их в открытом состоянии.ⁱⁱⁱ

Собор принял ряд других важных решений, а именно: признал автокефалию Украинской православной церкви; отлучил от церкви участников Карловацкого собора; принял решение о переходе русской православной церкви с 12 июня 1923 года на новый стиль и т.д.^{iv}

Однако наиболее радикальным было решение о закрытии монастырей в городах и преобразовании монастырских обителей, расположенных на значительном удалении от населенных пунктов, в трудовые общины.^v

Чем можно объяснить столь негативное отношение значительного числа высших церковных деятелей к важнейшему элементу православия – институту монашества?

Все духовенство в православии делится на «белое» и «черное».

К «черному» относятся священнослужители, принявшие монашеский постриг, элементом которого является обет безбрачия. Наряду с этим в православии допускается возможность для священника иметь семью, т.е. существует «белое» духовенство.

В канонах раннего христианства нет требований о том, что для назначения на должность епископа обязательно требуется монашеский постриг. Более того, некоторые каноны объявляли несовместимыми епископское и монашеское служение. Однако, начиная с У111 века, как в Западной, так и в Восточной церквях при назначении на высшие церковные должности стали отдавать предпочтение монахам. Это практически сводило к нулю любые попытки представителей «белого» духовенства достичь определенных успехов в иерархической структуре православия. Благочинный округа - это та наивысшая должность, которую мог занять представитель «белого» духовенства в русском православии. Данный подход ограничивал в продвижении по службе подавляющее большинство служителей церкви, порождал внутренние противоречия в самой системе христианства, что неизбежно должно было привести не только к появлению недовольства существующим положением дел, но и к формированию неких оппозиционных течений.

Следует отметить, что среда «белого» духовенства в русском православии формировалась в основном за счет детей священников. Невозможность дальнейшего продвижения по служебной лестнице без принятия монашеского сана делала все усилия молодого человека малоперспективными. Уже в духовной семинарии

начинал формироваться тип священника, обреченного на служение в храме без возможности удовлетворения своих честолюбивых потребностей в служебном росте. Это было одной из причин того, что «в школах, готовящих пастырей для народа, атеизм, нигилизм и радикализм были делом совершенно обычным. Из 2148 выпускников семинарий 1911 г. рукоположены к 1913 г. лишь 574».^{vi}

Монашеский постриг давал священнику шанс достичь определенных церковных высот. Но это продвижение в русском православии было возможно лишь для представителей «ученого монашества» – выпускников духовных академий. Г. Флоровский в своей работе «Пути русского богословия» подверг серьезной критике стремление некоторых «академиков» принять монашеский обет лишь для достижения карьеристских целей. Он писал о том, что принятие пострига с целью получения епископской должности было поступком безнравственным, «ученое монашество» не имело ничего общего с монашеством монастырским – и конфликт между ними временами достигал трагической остроты».^{vii}

Зависимость церкви от «черного» духовенства «обрекала белое духовенство на то, чтобы всю жизнь оставаться в тени и подчинении у епископата, - у епископата, известная часть которого вызывала весьма серьезные сомнения, если говорить о нравственных качествах и подлинном благочестии».^{viii}

В 1905 году было опубликовано обращение «Группы 32-х Санкт-Петербургских священников» к члену Святейшего Синода митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Антонию, в котором впервые священнослужители высказали ряд радикальных предложений, впоследствии реализованных движением обновления. В своем обращении «группа 32-х» отмечала, что монашеский епископат противоречит не только церковным канонам, но и «самому характеру монашеского служения – созерцанию, молчанию, послушанию, ибо епископ должен начальствовать, проповедовать и наставлять».^{ix}

Весной 1923 года Поместный Собор своим решением узаконил требования значительной части священно- и церковнослужителей об ограничении влияния монастырей и монашества на жизнь церкви.

Таким образом, мы видим, что идея закрытия монастырей или превращения их в трудовые коммуны принадлежит не государству, а самой церкви. В настоящее время это выглядит парадоксально, но в 20 – 30-е годы государство фактически лишь реализовало на практике решения высшего церковного органа. В данном случае интересы церкви и государства совпадали в силу ряда причин. Для обновленческого руководства церкви это было выгодно, потому что это позволяло ему на законных основаниях, без прохождения монашеского пострига, занять высшие церковные должности. Государству же данные решения церкви позволили более активно реализовать вопрос национализации монастырской собственности. Поэтому утверждения об одностороннем характере деятельности государства по закрытию монастырей в 20 – 30 годы не соответствуют действительности. Более того, анализ архивных документов, посвященных деятельности монастырей в это время, позволяет говорить о том, что при решении вопроса о ликвидации монастырской собственности и закрытия храмов, действующих на территории обители, органы власти вынуждены были анализировать отношение верующего населения к вопросу ликвидации монастырей и киновий.

На основании анализа архивных документов, хранящихся в Крымском республиканском госархиве, можно утверждать, о том что с 1922 по 1925 годы православные верующие Крыма достаточно активно отстаивали перед государственными органами власти церковную собственность, препятствовали закрытию храмов, действовавших на территории монастырей.

Начиная же с 1925 года, активность религиозного общественного мнения снижается. Объяснить это можно рядом факторов, в том числе и развернувшейся в это время пропагандистской атеистической кампанией. Это позволило органам Советской власти значительно активизировать процесс ликвидации монастырей.

ⁱ Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – С.74.

ⁱⁱ Поместный собор Российской православной церкви 1923 г. (Бюллетени). – М.,1923. – С.14-23.

ⁱⁱⁱ Там же.

^{iv} Там же.

^v Там же.

^{vi} Поспеловский Д.В. Указ. соч. – С.62.

^{vii} Там же. – С.63.

^{viii} Там же.

^{ix} Там же. – С.64.